На правах рукописи

АТАДЖАНЯН СЮЗАННА АБРИКОВНА

ПЕРВОИСТОЧНИКИ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ. ФОНОСЕМАНТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ
(на материале русского и испанского языков)

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пятигорск – 2014

Работа выполнена на кафедре общего и сравнительного языкознания в ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор ***Михалёв Андрей Борисович,*** зав. кафедрой общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор ***Поленова Галина Тихоновна,*** зав. кафедрой немецкого языка ФГБОУ ВПО «Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П. Чехова»
	доктор филологических наук, доцент ***Прокофьева Лариса Петровна,*** зав. кафедрой русского языка как иностранного ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского»
Ведущая организация:	ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Защита состоится 6 июня 2014 г. в 12.30 на заседании диссертационного совета Д 212.193.02 в ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» по адресу: 357532, г. Пятигорск, проспект Калинина, 9, конференц-зал № 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», а также на сайте университета www.pglu.ru/.

Автореферат разослан « » апреля 2014 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Л.М. Хачересова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование природы цвета издавна вызывает интерес как со стороны физики, химии, биологии, физиологии, так и со стороны психологии, этнографии, культурологии, искусствоведения, истории и, конечно, лингвистики. Цветонаименования (далее – ЦН) отличаются древним происхождением, активным функционированием в языке, большим семантическим и стилистическим потенциалом и способностью отражать воздействие исторических, социальных, культурологических и природно-географических факторов на особенности формирования языковой картины мира.

В лингвистике изучение ЦН в разных языках имеет давнюю традицию и представлено сотнями публикаций и различными подходами, способствовавшими не только созданию специализированного понятийного аппарата, но и формулированию актуальных проблем и перспективных задач в теоретических и практических исследованиях ЦН.

При рассмотрении проблематики цвета трудно остаться в рамках собственно лингвистики, так как большинство исследований в этой области проведено в русле других наук, обнаруживающих тесные связи с языкознанием, и являет собой результат объединения достижений междисциплинарных исследований – социо-, этно- и психолингвистики, истории, культурологии, феноменологии и др. Специфика нашего исследования делает для нас значимыми, в первую очередь, достижения исторического, когнитивного и сопоставительного подходов к изучению ЦН [Бахилина, 1975; Василевич, 1987; 2011; Вежбицкая, 1996; 1999; Wierzbicka, 2006; 2007; 2008; Кульпина, 2001; Норманская, 2005; Рахилина, 2010; Berlin, Kay, 1969; Berlin et al., 1985; Kay, 1975; 2005; Kay, McDaniel, 1978; Kay, Regier, 2003; 2006; Kay et al., 2009; Biggam, 2012 и мн. др.].

Полемика о соотношении звука и значения уходит корнями в глубокую древность, и на сегодняшний день накоплено огромное количество теоретических и экспериментальных данных. Результаты исследований звукоизобразительности на материале всё большего количества языков сделали возможным появление фоносемантики как научной дисциплины, привели к неизбежному выводу о значительной доле первично мотивированных слов, а универсальность этого явления уже не подвергается сомнению.

Нельзя не отметить значение фоносемантических данных для этимологических исследований. Трудности, с которыми нередко сталкиваются этимологи при установлении происхождения отдельных

слов, объясняются давлением традиционных методов анализа, оперирующего разрозненными языковыми фактами и, как следствие, дающего «поверхностный» результат. Теория фоносемантического поля (далее – ФСП) предлагает отработанный алгоритм установления родства слов, так или иначе восходящих к звукоизобразительным протокорням. При условии изучения закономерностей семантических переходов и вариативных возможностей морфемотипов этимолог оказывается гораздо ближе к разгадке многих задач, не разрешимых прежними методами.

Исходя из вышесказанного, подчеркнём всё возрастающий интерес к изучению цвета и физиологии его объективного и субъективного восприятия, с одной стороны, и к проблемам статуса единиц субморфемного уровня, мотивированности языкового знака и происхождения языка вообще, с другой стороны. Это свидетельствует об **актуальности** нашего исследования. Настоящая работа продолжает исследовательские традиции фоносемантики, этимологии, лингвистики цвета и анализирует звукоизобразительные источники ЦН в русском и испанском языках. Предпринятое нами исследование вписывается в круг вопросов, обсуждаемых в когнитивной лингвистике на современном этапе, и является попыткой внести свои предложения в существующую полемику.

В русской лингвистической традиции к «основным» ЦО обычно относят *чёрный, белый, красный, синий, голубой, оранжевый, жёлтый, зелёный, фиолетовый, розовый, коричневый* и *серый.* Рамками нашего исследования ограничено изучение производных ЦН, следовательно, *оранжевый, фиолетовый, розовый* и *коричневый* исключены из анализа. Кроме того, последние два цвета не являются спектральными и не входят в число основных цветов по своим физическим параметрам. Исходя из сопоставительного характера предпринятого изучения ЦН, выбор цветов в обоих языках должен быть идентичен.

Объектом исследования являются обозначения белого, чёрного, красного, жёлтого, зелёного, синего и серого цветов в русском и испанском языках: *белый* и *blanco*, *чёрный* и *negro*, *красный* и *rojo*, *жёлтый* и *amarillo*, *зелёный* и *verde*, *синий, голубой* и *azul*, *серый* и *gris*.

Предметом исследования избрано происхождение ЦО, их предположительно звукоизобразительные источники в указанных языках.

В отличие от ЦО, производных от первичных лексем (*оранжевый* от *orange*, *розовый* от *роза* и др.), этимология базовых колоронимов остаётся затемнённой. Согласно принятой **гипотезе**, нам представля-

ется возможным определить мотивирующие признаки в номинации ЦО с помощью метода фоносемантического конструирования – составления ФСП на основе начальных согласных ЦО.

Теоретическими основаниями нашей гипотезы послужили положение С.В. Воронина о примарной генетической звукоизобразительной мотивированности языка [Воронин, 1982], теория фоносемантического поля и новейшие исследования А.Б. Михалёва, анализирующие семантическую производность и.-е. корней и последовательно демонстрирующие развитие лексических систем современных языков из ограниченного числа прототипических значений [Михалёв, 1995; 2011; 2012; 2013]. В диссертации системно отстаиваются принципы фонетического семиогенеза и полевого структурирования значений вокруг фоносемантического ядра. Методологическая основа исследования подкреплена работой Ж. Колевой-Златевой [2008], обосновывающей необходимость и целесообразность этимолого-фоносемантического подхода к изучению лексики.

Целью исследования стало обнаружение изо- и алломорфных тенденций возникновения ЦО посредством определения фоносемантических закономерностей номинации, выявления основ первичной и вторичной мотивированности ЦО в русском и испанском языках.

Поставленная цель обусловила выполнение следующих **задач:**

1. Определение основных терминов цвета в русском и испанском языках.

2. Выборка БЛ-, ЧР-, КР-, ЖЛ-, ЗЛ-, ГЛ-, СМ-, СН-, СР-лексем русского и BL-, N-, RJ-, RC-, RQ-, RG-, RZ-, RS-, AM-, VR-, AZ-, LS-, LZ-, GR- лексем испанского языков.

3. Сплошной этимологический анализ всех слов, составляющих исследуемые лексические корпусы русского и испанского языков.

4. Составление ФСП на основании общности начальных согласных с каждым ЦН для каждого языка.

5. Определение ядерных гиперсем и обоснование их звукоизобразительного характера через артикуляционно-символические свойства начальных согласных.

6. Определение периферийных значений, предположительно развившихся из ядерных.

7. Выявление и обоснование семантической организации внутри полученных систем (как на уровне отдельных значений, так и на уровне микро- и макрополей).

8. Установление корреляций с праязыком – составление ФСП соответствующих фрагментов корневой системы и.-е. языка и их сравнительный анализ с ФСП языков-потомков.

9. Определение первоисточников номинации цветов в русском и испанском языках.

10. Сопоставление фоносемантических пространств и установленных первоисточников ЦО в двух языках.

11. Выявление общих фоносемантических тенденций, характерных для всех ЦН в русском и испанском языках.

12. Выявление индивидуальных особенностей фоносемантики ЦО в русском и испанском языках.

Для решения поставленных задач в исследовании используются следующие **методы:**

1) метод лексико-семантического конструирования (компонентный анализ; семантическое интегрирование);

2) сравнительно-сопоставительный анализ;

3) историко-этимологический анализ;

4) фоносемантический анализ (установление корреляций между акустико-артикуляционными свойствами фонем и лексической семантикой);

5) фонемотипное и морфемотипное моделирование (типологическое обобщение на основе тождественности дифференциальных признаков).

Научная новизна работы определяется как самим предметом исследования и подходами к решению поставленных задач, так и полученными результатами. Несмотря на уже большое количество работ, посвящённых проблематике цвета в том или ином аспекте, до сих пор не существует исследований, описывающих этимологию ЦН с точки зрения их звукоизобразительности. Тем более отсутствует описание систем ЦН с этой точки зрения в разных языках. Осуществлением сопоставительного исследования звукоизобразительных источников, лежащих в основе номинации цветов в русском и испанском языках, мы стремимся восполнить имеющийся пробел. Впервые с привлечением фоносемантического и этимологического анализа изучены и обоснованы номинационные первоисточники ЦО на материале языков, относящихся к разным группам индоевропейской семьи (славянской и романской), что позволяет нам сделать выводы о предположительно универсальных звукоизобразительных тенденциях в номинации этой группы слов, а также об индивидуальных путях возникновения и развития терминов цвета в сравниваемых языках.

Материалом исследования послужила выборка базовых (непроизводных) БЛ-, ЧР-, КР-, ЖЛ-, ЗЛ-, ГЛ-, СМ-, СН-, СР-лексем русского и BL-, N-, RJ-, RC-, RQ-, RG-, RZ-, RS-, AM-, VR-, AZ-, LS-, LZ-, GR-лексем испанского языков из наиболее представительных словарей:

Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1988; Diccionario de uso del español actual. – Madrid, 2006. Также в качестве эмпирической базы исследования были использованы данные этимологических словарей: Русский этимологический словарь. Вып. 1-4 / А.Е. Аникин. – М, 2007-2011; Этимологический словарь русского языка: в 2-х т. / А.Г. Преображенский. – М., 1959; Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / М. Фасмер. – СПб, 1996; Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. / П.Я. Черных. – М., 2001; Этимологический словарь германских языков: в 4-х т. / В.В. Левицкий. – Черновцы, 2000-2001; Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1-3 / J. Pokorny. – Bern, 1959; Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / J. Corominas. – Madrid, 2011.

Общий объём рассмотренных корневых слов, вошедших во все лексические корпусы, составил около 1000 единиц для каждого языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексико-семантическая система языка является звукоизобразительной в своих истоках. Звукоизобразительное ядро языка образовано ограниченным числом семантических первоэлементов, из которых путём метафорических и метонимических переносов развиваются периферийные значения.

2. Лексемы, сформированные на основе первоначальных звукоизобразительных (звукоподражательных и звукосимволических) значений, со временем подвергаются естественным процессам демотивации и денатурализации, вследствие чего язык начинает восприниматься как произвольная система.

3. Цветонаименования, также являясь примарно мотивированными, развиваются из звукоизобразительных первоэлементов как ономатопеического, так и звукосимволического характера.

4. В фоносемантических источниках номинации цветонаименований русского и испанского языков наблюдаются как типологически ориентированные тенденции, так и специфические.

5. При сопоставлении первоисточников цветонаименований русского языка с их аналогами в испанском языке выявляются идентичное семантическое развитие наименований белого цвета, предположительно схожие первоисточники терминов серого цвета и различия в номинационных основаниях чёрного, красного, жёлтого, зелёного и синего цветов.

6. В рамках русского языка к числу универсальных тенденций относятся пути семантического развития цветовых значений из взаимообусловленных звукоизобразительных синкретичных сем «Ре-

зать/Бить/Связывать/Гнуть» (*чёрный, красный, синий, серый*) и «Звук/Блеск/Цвет» (*белый, жёлтый, зелёный, голубой, серый*).

7. Первоисточники наименований цвета в испанском языке имеют более разносторонний характер. Изоморфным можно считать развитие имён белого, серого и, возможно, синего цветов из соответствующих и.-е. корней со значением «блестеть, сверкать» *(blanco* «белый» от **bhel-[1]*, *gris* «серый» от **ĝher-[3]*, *azul* «синий» от **leuk-*). Номинационные основания других ЦО отличаются и между собой, и от русских аналогов (*negro* «чёрный» от звукоизобразительного и.-е. корня **nē-* «отрицание», *rojo* «красный» от ономатопеического и.-е. **reu-[1]* «рычать», *amarillo* «жёлтый» от речевого жеста *am*, *verde* «зелёный» от и.-е. **ɥer-[3]* «вращать»).

Теоретическая значимость проведённого исследования обусловлена положениями, выносимыми на защиту. Кроме того, полученные результаты, вновь подтверждая положения о первичной генетической звукоизобразительности в номинации и о расширении лексико-семантических систем языков посредством семантических переходов, способствуют дальнейшему развитию фоносемантической традиции.

Определение предположительно универсальных принципов номинации ЦН и индивидуальных различий в сложившихся лексико-семантических системах двух языков вносит вклад в теорию номинации и, в более широком спектре, в изучение проблемы происхождения и развития языка и проблемы взаимосвязи языка и сознания.

Практическая ценность работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в курсах лекций и на семинарских занятиях по дисциплинам «Введение в языкознание» и «Общее языкознание», в частности, в разделах «Язык как знаковая система», «Лексическая семантика», «Фонетика и Фонология», «Лексические системы языка», «Происхождение и развитие языка», «Лингвистические универсалии» и т.п.

Теоретический обзор фоносемантической традиции может быть использован в спецкурсах по «Этимологии», «Фоносемантике», описание лингвистических исследований ЦН – в теме «Цветообозначения» в курсах «Лексикологии» и «Истории языка». Раздел «Причины языкового символизма» рекомендуется к использованию в курсах лекций и семинаров по психолингвистике. Результаты исследования и используемая методика могут послужить ценным материалом для этимологических изысканий, описания языковых картин мира различных лингвокультур, а также получить развитие в новых работах, обращённых к другим классам слов (термины родства, эмонимы, части тела и т.д.). Возможна перспектива создания целостной фоносемантической си-

стемы ЦН при условии дополнения уже изученного фрагмента материалом других языковых семей.

Апробация работы. Основные положения работы были изложены и обсуждены на конгрессе «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество» (2013 г.), на конференциях «Университетские чтения» (2011, 2012 гг.), «Молодая наука» (2011, 2012 гг.) в Пятигорском государственном лингвистическом университете и отражены в 9 публикациях.

Структура работы. Работа состоит из введения, 3 глав, заключения, библиографического списка и приложения, содержащего блок-схемы ФСП исследуемых лексических корпусов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** излагаются актуальность, новизна, цели, задачи и методы исследования, теоретические положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «История изучения звукоизобразительности» представляет собой краткий обзор фоносемантической традиции от древности до XIX в. и более детальное описание новейшего периода (XX-XXI вв.) в фоносемантике.

Проблема внутренней связи означающего и означаемого имеет такую же долгую историю, как и сама наука о языке. Первой научной работой, посвящённой изучению обозначенного вопроса, можно по праву считать диалог «Кратил», в котором Платон, размышляя над возникновением первых слов, отвергает их божественное происхождение и устанавливает главный принцип их образования – подражание.

Большое внимание связи между звуком и значением уделяют стоики – следующее за звукоподражанием словообразование представляется им как результат сходства, контраста или смежности вещи с другой, уже названной вещью.

Большинство философов в Средние века и в эпоху Возрождения находятся под влиянием взглядов Аристотеля и, как следствие, придерживаются мнения об отсутствии связи между объектом, именем и его значением. Однако в 1653 г. Дж. Уоллис обращает внимание на начальные консонантные сочетания и, исходя из их символического потенциала, пытается интерпретировать общее значение слова [Genette, 1972].

Г.В. Лейбниц также настаивает на непроизвольной связи между звучанием слова и обозначаемым предметом, обратив внимание на то, что способ и место артикуляции могут быть осмыслены по разным

основаниям. Кроме того, изучив дальнейшую эволюцию лексикона на основе первичных мотивированных имён, философ указывает на изменение древних значений и восстанавливает процесс «денатурализации» слова (постепенной потери естественной связи между означающим и означаемым) посредством многообразных семантических переносов: метафоры, метонимии и пр. [Лейбниц, 1983].

Французский классицист XVIII в. Ш. де Бросс вводит понятие «деривации» – движения от подражательной сущности к произвольности, и выделяет две её разновидности. «Идеальная деривация» (эволюция значения) заключается в образовании новых слов от примитивного корня. Согласно убеждению учёного, именно благодаря метонимии корневые слова получают значения, довольно далёкие друг от друга. «Материальная деривация» (эволюция формы) основывается на хрупкости гласных и способности согласных одной и той же артикуляции к взаимозамещению [Brosses, 1765]. Принцип мобильности гласных и фонемотипа согласных составляет основу современных этимологических исследований и широко используется при систематизации звукоизобразительной лексики.

В XIX в. к проблеме соотношения звука и смысла обращается В. фон Гумбольдт. Размышляя о стадиях зарождения речи, он устанавливает три первичных способа обозначения: звукоподражательный, звукосимволический и аналогический [Гумбольдт, 1984].

В. Вундт, изучая процесс семиозиса в обществе, разрабатывает «жестовую теорию» происхождения языка, отталкиваясь от жестов как наиболее наглядных знаков в человеческой коммуникации. По мнению учёного, именно в жестах, а точнее, в их эволюции от ручных к языковым, заключается первичная мотивированность слов [Вундт, 1912].

Древнейшие изыскания античных времён, подхваченные в эпоху Возрождения и развитые в новое время, подготовили надёжную базу для современных работ. Несмотря на идеологическое неприятие, обусловленное абсолютизацией идеи Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака, в XX в. исследования звукосимволизма продолжаются и становятся всё более многочисленными.

Развитие семиотики и зарождение в 20-30-х гг. XX в. психолингвистики как объективного инструмента анализа человеческого языка открывают, наконец, новые возможности для экспериментальных исследований и практически доказывают существование универсального звукосимволизма в человеческом языке.

К началу 80-х гг. с выходом в свет исследований А.М. Газова-Гинзберга [1965], В.В. Левицкого [1969; 1973; 1975; 1980], А.П. Жу-

равлёва [1974] в советском языкознании, наконец, созревают условия для выхода за узкие рамки звукоподражания и полноценного изучения звукоизобразительности как многоаспектного явления.

Результаты, достигнутые за многие столетия исследований, были обобщены С.В. Ворониным в фундаментальном труде, обосновавшем главные постулаты фоносемантики. Опираясь не на отдельные звуки, а на их дифференциальные признаки, С.В. Воронин устанавливает основные типы звучаний денотатов и их коррелятов в фонетических пространствах 250 языков. Главная теоретическая ценность работы С.В. Воронина заключается в объединении понятий ономатопеи и звукосимволизма как двух естественных составляющих звукоизобразительности – основы для происхождения и развития языка, действующей как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах и универсальной для всех языков мира [Воронин, 1982].

А.Б. Михалёв развивает положение о генетической звукоизобразительности языкового знака, сформулированное С.В. Ворониным, и открывает полевой принцип структурирования лексики. Благодаря механизму синестезии и широкой вариативности акустико-артикуляционных параметров звуков, их звукоизобразительные возможности и составляют ядро ФСП, посредством метафорических и метонимических переносов развивающееся в микро- и макрополя. Формальной единицей ФСП является «фонемотип» комплексная фоносемантическая единица, в различном окружении способная воплощать те или иные составляющие своего символического потенциала и, как следствие, обусловливать последующее семантическое наполнение слова [Михалёв, 1995].

Фоносемантические исследования новейшего времени [Шляхова, 2003; 2004; 2005; 2006; Дрожащих, 2006; Прокофьева, 2007; Колева-Златева, 2008 и мн. др.] не оставляют никаких сомнений в универсальности явлений звукового символизма, подтверждая положения о фонетическом семиогенезе во всех языках и развитии семантических систем из ограниченного числа первичных звукоизобразительных значений.

Особое внимание в первой главе уделено вопросу происхождения звукового символизма. Учёными принято выделять две причины звукового символизма: психофизиологический механизм синестезии и «языковую привычку». Мы склонны полагать, что звуковой символизм обусловлен как кросс-модальным восприятием, так и механизмом языковой привычки, и между понятийным и фоносемантическим содержанием концепта существует два вида связи: синестетическая и ассоциативная.

Вторая глава «История изучения цветонаименований» посвящена анализу достижений когнитивного и исторического подходов к изучению ЦН, представляющих наибольшую ценность для нашего исследования.

Наиболее значимой и часто цитируемой становится работа Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay, 1969], положившая начало семантическим исследованиям цвета. Несмотря на многочисленную критику, исследование ценно провозглашением идеи универсализма и отрицанием, в той или иной форме, постулата Сепира-Уорфа о «неповторимости» каждой языковой картины мира.

Б. Берлин и П. Кей устанавливают эволюционную последовательность появления ЦН во всех языках, которая подтверждается относительной хронологией основных социально-экономических достижений.

Выделяется семь стадий развития ЦН:

Стадия I: белый и чёрный

Стадия II: + красный

Стадия IIIa и IIIb: + сине-зелёный *или* + жёлтый

Стадия IV: + жёлтый *или* + сине-зелёный

Стадия V: + зелёный *и* + синий

Стадия VI: + коричневый

Стадия VII: + фиолетовый *и/или* + розовый *и/или* + оранжевый *и/или* + серый.

Универсальность этой последовательности может подвергаться сомнению, но её основные положения, как правило, действительно применимы ко всем языковым семьям.

Кроме того, Б. Берлин и П. Кей вводят понятие «основного цветонаименования» и выделяют несколько критериев для его определения, среди которых односоставность лексемы, отсутствие гипонимических отношений с другим ЦН, широкая сочетаемость, психологическая релевантность, деривационный потенциал и др.

Другими учёными [Durbin, 1972; Hays et al., 1972; Bolton, 1978a; Crawford, 1982; MacLaury, 1982; Boynton, Olson, 1990; Corbett, Davies, 1995; Кульпина, 2001; Paramei, 2005; Biggam, 2012 и др.] предложены дополнительные критерии для установления статуса ЦН: длина слова, частота употребления в текстах и в речи, короткое время реакции, культурно-историческая значимость, древность происхождения, опора на естественный прототип и др.

Работы Б. Берлина, П. Кея, К.П. Биггам [Biggam, 2010; 2012], А. Вежбицкой [1996; 1999; Wierzbicka, 2006], Е.В. Рахилиной [2010] и мн. др. демонстрируют органичную взаимообусловленность когнитив-

ного и исторического аспектов изучения ЦО. Знание истории и происхождения ЦО служит основанием для современных теорий концептуального анализа, а семантика ЦО, в свою очередь, проясняется благодаря установлению семантического первоэлемента. Эволютивное изучение ЦН [Бахилина, 1975; Норманская, 2005 и др.] позволяет расширить наши знания об их функциях, роли в эволюции человеческого мышления, социально-символической значимости в жизни общества и других сферах концептуализации мира. Именно всесторонний анализ имён цвета на основе закономерной связи исторического и когнитивного подходов, а также с привлечением фоносемантических методов и этимологических данных обеспечивает более глубокое осмысление языковой картины мира и расширяет наши знания об особенностях соотношения языка и мышления.

В соответствующих параграфах **третьей главы «Фоносемантическое и этимологическое исследование основных цветонаименований в русском и испанском языках»** представлен фоносемантический анализ корпусов лексики с каждым из анализируемых ЦН.

Наименования белого цвета. Мнения этимологов совпадают в том, что *белый* и *blanco* восходят к и.-е. корню **bhel-*[1] «блестящий, светлый», производному от **bhā-*[1] «светить, блестеть».

По нашему мнению, сочетание придыхательного лабиального взрывного [ВН] с открытым гласным [А] – прекрасная имитация губной деятельности, в частности, голосового звукоизвлечения, и, шире, подражание интенсивному звуку удара и самому удару. Исходя из этого, мы считаем корень **bhā-*[1] «светить, блестеть» вторичным, производным на основе аудиовизуального синестетического переноса от **bhā-*[2] «говорить» и **bhău-*[1] «бить, ударять». Указанные корни инициируют развитие гиперсемы ЗВУК/ШУМ и обусловливают наличие ядерного макрополя, представленного двумя соответствующими референтами: «Буккальная деятельность» (сема «Говорить»: *балаболка, балагур, балясничать, блеять, balar* «блеять», *balbucear* «бормотать» и др.; сема «Дуть/Округлый»: *булькать, булка, блюдо, balón* «мяч», *bola* «шар», *bulbo* «луковица» и др.) и «Мануальная деятельность» (*болтать, боль, близкий, blandir* «трясти, размахивать» и др.). Микрополе СВЕТ/БЛЕСК, производное от **bhā-*[1] «светить, блестеть», составлено, помимо собственно ЦН *белый* и *blanco*, лексемами *блеск, блик, блесна, blondo* «белокурый» и др.

Абсолютная семантическая идентичность изучаемых пространств в обоих языках говорит не только об общности и.-е. происхождения, но и об универсальных закономерностях семантической эволюции

значений.

Наименования чёрного цвета. С семантической точки зрения, основания для номинации обозначений чёрного цвета в сравниваемых языках можно посчитать сходными, но звуковая оболочка ЦН совершенно разная: *чёрный* и *negro*.

Физические свойства чёрного цвета, а именно его ахроматичность вследствие отсутствия светового потока от объекта, позволяют нам предположить связь испанского ЦН *negro* с и.-е. корнем **nē-*: «чёрный» = «без света, без цвета». Фоносемантические данные о звукоизобразительных свойствах N-форманта подкрепляют нашу гипотезу: из-за специфических сокращений мышц носа при выражении отвращения у назального звука развивается символическое значение отрицания. Корень **nē-* дал основу многим лексемам испанского языка, составляющим микрополе «Отрицание»: *negar* «отрицать», *negligente* «небрежный, нерадивый», *neutro* «нейтральный», *nefando* «недостойный», *nefasto* «злосчастный», а также *niel* «чернь (по серебру, золоту)» и др.

В соответствии с этимологическими данными, ЦН *чёрный* рассматривается нами в рамках КР-лексики и предположительно восходит к и.-е. **(s)ker-* «резать, бить», развиваясь по траектории: РЕЗАТЬ/БИТЬ > НАКАЗЫВАТЬ/ПОРТИТЬ (*кара, корить*) > ПЛОХОЙ (*чёрт*) > ЧЁРНЫЙ. В этом и заключается возможное сходство семантических составляющих терминов цвета: и в испанском, и в русском языках ЦН может быть развито на основе семы «Плохой, отрицательный».

Наименования красного цвета. *Красный* и *rojo*, сходные по форме на основании наличия общего R-форманта с богатой символикой, вследствие этого могут частично совпадать по своей семантике.

Согласно этимологическим данным, обозначение красного цвета в испанском – *rojo* – происходит от лат. *rŭsseŭs «*ярко-красный» от *ruber* «красный», восходящего к протоиндоевропейскому корню **reudh-* с тем же значением. Исследовав весь список и.-е. корней на r-, мы делаем вывод о существовании единого звукоизобразительного протокорня (**reu-*[1] «рычать», **rei-*[1] «рвать», **red-*[2] «царапать, скрести», **reidh-* «взбираться», **reu-*[2] «вырывать», **reuə-* «открывать»), обусловленного «агрессивной» символикой R-форманта и эволюционирующего, в том числе, в РЕЗАТЬ/БИТЬ > ТЕЧЬ (**rēs-*, **rōs-* «течь, струиться» > *regar* «поливать», *rocío* «роса») > КРОВЬ > КРАСНЫЙ (**reudh-* «красный» > *rosa* «роза», *rojo* «красный»).

Значение цвета у русского слова *красный* является вторичным

по отношению к «красивый». Начальное консонантное сочетание КР-, в первую очередь, символизирует различные виды буккальной деятельности (*каркать, курлыкать, кричать* и др.) и мануальной деятельности (*кромсать, крутить, красть* и др.), объединённые единой гиперсемой РЕЗАТЬ/БИТЬ. Кроме того, фонестема КР- является звукоподражательной по отношению к огню, горению и другим процессам, производящим характерные трещащие шумы (*курить, керосин, керамика* и др.).

Проанализировав все выдвинутые этимологические гипотезы, с учётом звукосимволических свойств фонестемы КР-, мы можем предположить следующие пути развития семы «Красивый»:

1. ОГОНЬ > КРАСИВЫЙ;

2. МАНУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ > РЕЗАТЬ/БИТЬ > ОЧИЩАТЬ/ЧИСТЫЙ > ЯСНЫЙ, КРАСИВЫЙ

3. БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ > ХВАЛИТЬ > КРАСИВЫЙ;

4. МАНУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ > РЕЗАТЬ/БИТЬ/ГНУТЬ > ИЗОГНУТЫЙ, КРИВОЙ > УЗКИЙ, СТРОЙНЫЙ > КРАСИВЫЙ.

Из всех предложенных нами версий наиболее вероятной мы считаем первую. Гипотеза о развитии значения «красивый» из *krada* «жертвенный огонь» позволяет нам рассмотреть вопрос в более широком контексте, обратившись к кинетическо-звуковым теориям происхождения языка, одной из которых является ритуальная теория [Марр, 1928; Топоров, 1988; Маковский, 1996; Мечковская, 1998; Монич, 2000]. Согласно данной гипотезе, основой для возникновения языка служит ритуал, который древнее языка, предшествует ему и во многих чертах предопределяет его. Важность ритуала для фоносемантических исследований определяется в том числе и тем, что архаическое сознание, будучи системным, включает в себя все формы представлений об окружающем мире. В широком смысле, ритуализованные средства общения рассматриваются как прототип знаковой коммуникации – на основе изначального набора ритуальных предикаций базовых символов развиваются конкретные словоформы, сохраняющие в себе эти сакрализованные первоосновы.

Знакомство с ритуальной теорией происхождения языка подтверждает наши предположения о том, что и.-е. корень **(s)ker-* является звукоподражательным в своей основе, а одной из референций является горящий огонь. Неслучайно А. Вежбицкая [Вежбицкая, 1999] и К.П. Биггам [Biggam, 2010; 2012] указывают именно на огонь как на прототип красного цвета. Принимая во внимание изначально очень широкий контекст употребления прилагательного, а также его исключительно положительные значения, в том числе и в ритуальной лите-

ратуре, священность обряда жертвоприношения и важность собственно огня (костра), служившего источником тепла, безопасности, пищи и обеспечивающего связь с потусторонними высшими силами, мы можем предположить, что цветовое значение у слова *красный* развилось на основе многочисленных семантических превращений, референтом которых также был огонь. На основе первоначально звукоподражательного КР- возникло значение «огонь», послужившее, с одной стороны, прототипом для обозначения всего яркого и красного, а с другой – для всего священного и, как следствие, воспринимаемого исключительно положительно. Отсюда – слово *красный* со всей своей многоаспектной положительной семантикой, в которой, с течением времени, всё-таки оформилась, выделилась и стала преобладать изначальная древняя сущность – обозначение красного цвета.

Возвращаясь к ЦО *чёрный*, отметим, что вторая гипотеза его происхождения связывает *чёрный* с обозначениями красного цвета со славянским корнем ***červ-**. *Червлёный, червчатый* и *чермный*, поразительно похожие на *чёрный* по форме, происходят от названия насекомого кошенили (червеца), из которого добывали соответствующий пигмент; *червец* же – производное от *червь* (из-за особенностей движения и внешнего вида червя его название представляется полученным из развития «Резать/Гнуть» > «Вращать/Крутить/Изогнутый» (ср. с исп. *bermejo* «ярко-красный» от лат. *vermis* «червь, кошениль»)).

Третья версия происхождения ЦО *чёрный* также связывает его с красным цветом ввиду первоначального синкретизма красного и чёрного как двух сторон одного явления (красное пламя и потухшие чёрные угли и т.п.). Согласно теории Б. Берлина и П. Кея, первыми категориями цвета были светлый, белый и тёмный, чёрный, а далее в виде яркой вспышки появляется красный или, скорее, общий яркий цвет, со временем подразделившийся на частные категории разных оттенков. Упомянутая нераздельная связь красного и чёрного позволяет рассмотреть красный не как последующий за белым и чёрным, а как промежуточный элемент между светом и тьмой, обусловливающий и обозначающий этот переход от тёмного к светлому и наоборот. Причём очевидно, что на фоне темноты, ночи, чёрного свет от солнца и огня воспринимался более ярко, чем выглядело бы то же закатывающееся вечером за горизонт солнце, каким бы красным оно ни было. То есть природные условия и физиология нашего восприятия обеспечили всё для слияния красного именно с чёрным, тёмным, а не с белым, светлым. С другой стороны, значение «красный», подобно «чёрному», может развиться из семы «Резать/Бить» > «Портить» > «Отрицательный» (ср. ирл. *derg* «красный» и англ. *dark* «тёмный»). Все эти раз-

мышления позволяют сделать заключение об изначальной тесной связи и взаимообусловленности чёрного и красного цветов, в силу чего неслучайно совпадение их начальных фонестем, и предположить, что ЦО *чёрный*, возможно, – производное того же звукоподражания красному огню, который рано или поздно тухнет, темнеет и позволяет царствовать ночному мраку.

Наименования жёлтого и зелёного цветов. Обозначения жёлтого и зелёного цветов в русском языке – родственные лексемы, восходящие к и.-е. **ĝhel-*[1] «сверкать, блестеть; желтый, зелёный, серый или синий». Гипотеза Б. Берлина и П. Кея о том, что первоначально в языке возникает слово, называющее одновременно жёлтые и зелёные оттенки цвета, позволяет нам предположить, что и.-е. **ĝhel-*[1] обозначает общую макрокатегорию цвета, неразделённую на отдельные оттенки. Возможно, эта категория является остатком предыдущей, ещё более широкой, включающей и красный цвет.

Вероятно, семантика и.-е. корня **ĝhel-*[1] могла развиться по аналогичному пути, что и значения и.-е. корня **bhel-*[1]. Однако нами разработана и другая гипотеза семантического развития: **gleubh-* «раскалывать, разрубать» > ТЕЧЬ/ЖИДКИЙ (*жёлоб, галера* и др.) > ГЛАДКИЙ, БЛЕСТЯЩИЙ (*галун, галька, гладь, глянец, глазурь* и др.) > ЖЁЛТЫЙ, ЗЕЛЁНЫЙ, СИНИЙ (*жёлтый, зелёный, голубой, золото, зелье, злак, голубь* и др.).

В отличие от русских, испанские ЦН жёлтого и зелёного имеют разное происхождение. *Amarillo* «жёлтый» возводится этимологами к лат. *amarus* «горький». Фоносемантический потенциал АМ- не подлежит никаким сомнениям: полнозвучный гласный [А] (нижнего подъёма и среднего ряда) и губно-губной [М] символизируют, в первую очередь, любой вид буккальной деятельности. Невольно напрашивается параллель с речевым жестом *ам*, который символизирует процесс поедания пищи. Разумеется, не является случайной связь и.-е. **amma* «мама» с исп. *ama* «кормилица», *mama* «женская грудь» и многочисленными производными (*mamada* «кормление грудью», *amamantar* «кормить грудью», *mamífero* «млекопитающее» и др.), ведь для ребёнка знакомство с матерью начинается именно с кормления, то есть с груди. Таким образом, исконно звукоподражательное *am-* на основе метонимического переноса превратилось в *amma* «мама», параллельно дав развитие и значению «женская грудь, вымя». Далее мы можем лишь предполагать аналогичное семантическое развитие латинской лексемы *amarus* «горький» от звукоподражательного *am-*: «есть» > «вкус» > «горький». Возможно, подобный путь семантического развития нейтрального значения в отрицательное обусловлен

или подкреплён «агрессивными» акустико-артикуляционными свойствами R-форманта.

Испанское ЦН *verde* «зелёный» происходит от и.-е. корня **u̯er-*[3] «вращать». Латинским словом *vertex*, производным от глагола **u̯er-*[3] «вращать», называли ось, вокруг которой вращалось небо (в понимании жителей античности). На этом этапе развития произошло смещение значений, и в результате метонимии от «вращать» образовалось «вертикальный, прямой». Далее уже на основе переносов по сходству и смежности развилось цветовое значение: «вертикальный/прямой» > «расти» (*verruga* «бородавка») > «зелёный» (*verdugo* «побег, росток; прут, хлыст, розга; шрам, рубец; палач», *vara* «ветка, прут», *vergel* «цветущий сад», *verano* «лето» (от лат. *ver* «весна»), *verde* «зелёный») или «ось» > «палка/ветка» > «зелёный». Первая гипотеза представляется нам более логичной и естественной.

Наименования синего цвета. Сопоставляя системы ЦО в разных языках, исследователи неизменно отмечают особенность русского языка с двумя основными наименованиями синего цвета: *синий* и *голубой*.

Русское *синий* возводится этимологами к др.-инд. *çyāmás* «чёрный, тёмный», а нами – к и.-е. **se-* «связывать» (СВЯЗЫВАТЬ > ТЁМНЫЙ > СИНИЙ). Звукоизобразительные свойства S-, M- и N-формантов обусловливают семантическое содержание CM- и CH-лексем русского языка. Спирант [S], подражая, в первую очередь, свистящим и шипящим шумам, метонимически развивается в «Ползти» (*сани* и др.), «Связывать» (*смыкать, снасть, сноп, сноха* и др.), «Отделять» (*сам, самец* и др.), «Опускать/Сеять» (*семя, семья, сын* и др.). «Связывать» порождает «Тёмный» (*синий, смола, смуглый* и др.), далее – «Сон» (*сон, снулый* и др.), последние значения подкрепляются и свойствами назальных [M] и [N] символизировать внутреннее местонахождение («внутри» > «темно»).

Голубой – третье по счёту основное ЦН русского языка, восходящее к и.-е. корню **ĝhel-*[1] «сверкать, блестеть; желтый, зелёный, серый или синий».

Испанское *azul* «синий, голубой», согласно одной точке зрения, восходит к араб. *lāzawárd*, согласно другой, – к перс. *lathward* «синий камень, лазурит». Несмотря на принципиальные расхождения в указании первоисточников лексемы (семитских или индоевропейских), несомненна производность *azul* от формы на LAZ- и, соответственно, связь испанского *azul* с русским *лазурь*.

Фоносемантическое исследование испанских LS- и LZ-лексем, а также и.-е. корней на LG-, LGH-, LK- и LS- позволяет предположить

развитие семантики *azul* от гиперсем «Связывать/Гнуть» и «Свет/Блеск»:

– «Давить/Камень» (*lastre* «балласт», *losa* «каменная плита; ловушка, западня; гробница, могила», *lastra* «плиточный камень», *loza* «керамика, фаянс», *lasca* «щебень; осколок») > «Гладкий/блестящий камень» > «Голубой камень»;

– «Светить, блестеть» (*luz* «свет», *lucir* «светить, блестеть», *lustrar* «наводить блеск, глянец») > «Синий, голубой».

Учитывая существование в природе минерала под названием *лазурит* и соответствующего термина *ляпис-лазурь* («голубой камень» от лат. *lapis* «камень»), можно было бы склониться в пользу первой версии семантического развития. Однако фоносемантический анализ и.-е. корней и лексем испанского языка не оправдывает выбора в пользу какой-либо из двух гипотез. Полагаем, что проведённое исследование может заполнить некоторые из имеющихся пробелов, но вследствие отсутствия достоверных этимологических данных и высокой доли вероятности семитского происхождения лексемы установление конкретного первоисточника ЦН *azul* «синий, голубой» в рамках данной работы оказывается невозможным.

Наименования серого цвета. Версия этимологов о производности испанского ЦО *gris* «серый» от и.-е. **ĝher-*[3] «сверкать, блестеть» – очередное подтверждение сверхсильных семантических связей значений «резать, бить» и «звук», «блеск» [Левицкий, 2008]. В пользу этой гипотезы говорит и наличие в испанском корпусе GR-лексики таких слов, как *garzo* «синеватый, серо-голубой», *greda* «голубоватая глина».

Русское ЦН *серый* относится к этимологически спорным лексемам. Переход от заднеязычных к спирантам – установленная тенденция в и.-е. языках, обусловленная так называемым процессом палатализации. На примере одних значений в разных звуковых оболочках можно проследить фонетический переход [K] > [H]/[S] (напр., и.-е. **ḱerd-* «сердце» – греч. *καρδίᾱ* – исп. *corazón* – англ. *heart* – нем. *Herz* – арм. *sirt* – русс. *сердце*).

Согласно описанным фонетическим процессам, ЦО *серый*, по нашему мнению, восходит либо к слав. *серен* «мёрзлый снег, иней» от и.-е. **kreu-*[1] «лёд, кора», либо, подобно испанскому ЦН *gris* «серый», – к и.-е. **ĝher-*[3] «сверкать, блестеть».

Сложности реконструкции первоисточников наименований серого цвета обусловлены отчасти тонкими процессами фонетических чередований согласных, затрудняюших привязку тех или иных лексем к конкретным и.-е. корням и их включению в определённые фоносе-

мантические макрополя, отчасти расплывчатой ахроматической сущностью серого цвета, могущего тяготеть как в тёмную, так и в светлую сторону.

В **Заключении** обобщены результаты исследования и представлены перспективы дальнейшего развития проблематики.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях (по перечню ВАК при Минобрнауки РФ):

1. Атаджанян, С.А. Семантическое развитие звукоизобразительных индоевропейских корней с начальным Bh- в БЛ-лексике русского языка [Текст] / С.А. Атаджанян // Вестник Тамбовского университета. – Сер.: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2013. – Вып. 6 (122). – С. 160-165 (0,62 п.л.).
2. Атаджанян, С.А. Первоисточники наименований белого цвета в русском и испанском языках. Фоносемантика и этимология [Текст] / С.А. Атаджанян // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2013. – № 5. – С. 115-120 (0,64 п.л.).
3. Атаджанян, С.А. Первоисточники наименований жёлтого и зелёного цветов в русском и испанском языках [Текст] / С.А. Атаджанян // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск, 2013. – № 3. – С. 136-140 (0,64 п.л.).

Публикации в других изданиях:

4. Атаджанян, С.А. Основные лингвистические подходы к изучению цветонаименований [Текст] / С.А. Атаджанян // Университетские чтения – 2011: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – Часть VII. – С. 6-11(0,35 п.л.).
5. Атаджанян, С.А. Лексика цветонаименований как пример языковых универсалий [Текст] / С.А. Атаджанян // Молодая наука – 2011: материалы региональной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – Часть X. – С. 84-89 (0,32 п.л.).
6. Атаджанян, С.А. Когнитивный подход к изучению цветонаименований [Текст] / С.А. Атаджанян // Университетские чтения – 2012: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – Часть VIII. – С. 6-11 (0,35 п.л.).
7. Атаджанян, С.А. Связь когнитивного и исторического подходов у изучению цветонаименований в исследовании Ю.В. Норманнской

[Текст] / С.А. Атаджанян // Молодая наука – 2012: материалы региональной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – Часть XI. – С. 198-201 (0,23 п.л.).

8. Атаджанян, С.А. Исторический и когнитивный аспекты изучения цветонаименований [Текст] / С.А. Атаджанян // Язык и культура: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: «СИБПРИНТ», 2013. – С. 142-149 (0,44 п.л.).
9. Атаджанян, С.А. Звукоизобразительные истоки БЛ-лексики русского языка [Текст] / С.А. Атаджанян // Теоретические и прикладные аспекты исследования языков народов мира: материалы VII Международного конгресса «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество». Симпозиум XI (часть 1). – Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – С. 59-63 (0,23 п.л.).

Подписано в печать 31.03.2014
Формат 60×841/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 1,4. Уч.-изд.л. 1,3. Тираж 100 экз. Заказ №.

Пятигорский государственный лингвистический университет
357532 Пятигорск, пр. Калинина 9
Отпечатано в Центре информационных и образовательных технологий
ПГЛУ